

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. /
гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009)
/ отв. ред. А.В. Виноградов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., Наука,
2016. 996 с.

Нынешний, 2018 год проходит в Китае под знаком празднования 40-летия политики реформ и открытости, обеспечившей стране невиданный рост экономической мощи и международного влияния. Напомним, что исходной точкой преобразований принято считать состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва.

Обсуждение истоков китайского успеха требует обращения к истории. Ее изложение можно найти в томе «Реформы и модернизация (1976–2009)» десятитомной «Истории Китая». Том IX содержит комплексный очерк истории четырех десятилетий развития КНР, который охватывает не только экономику, идеологию и политику, но также культуру и религиозную сферу. Практически все разделы тома, объем которого приближается к тысяче страниц, подготовлены учеными ИДВ РАН, давно и профессионально занимающимися изучением проблем современного Китая.

Главный редактор тома А.В. Виноградов глубоко исследовал вопросы модернизации Китая¹. Он написал многие разделы тома, касающиеся политики и идеологии конца 1970-х — начала 1990-х годов. Том IX позволяет понять, как формировалась идейная основа китайских реформ, какие аргументы «за» и «против» возникали внутри китайского руководства в ходе принятия ключевых решений на начальном этапе преобразований.

Органичной частью книги стало изложение предшествовавших историческому пленуму событий 1976–1978 гг. — как была свернута «культурная революция», как происходила смена руководства, как совершали первые шаги в направлении реформ. Отсчет времени начинается не от «воцарения» Дэн Сяопина и не от 3-го пленума, а от появления шаткой власти преемника Мао Цзэдуна «мудрого вождя» Хуа Гофэна.

Верхней хронологической рамкой тома стал 2009 г., когда в Китае праздновали 60-летие основания Народной Республики. Наверное, к этой дате можно было приплюсовать еще несколько лет и завершить книгу передачей власти в 2012 г. от Ху Цзиньтао Си Цзиньпину. Осенью

2017 г. XIX съезд КПК провозгласил наступление «новой эпохи социализма с китайской спецификой» и представил трехчастную схему истории КНР. Она состоит из «вставания на ноги» при власти Мао Цзэдуна, «обогащения» в ходе реформ Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, нынешний, третий, этап «усиления» начался после прихода к власти Си Цзиньпина. Таким образом, «эпоху обогащения» том IX охватывает практически полностью.

Примечательно, что рубежный для книги 2009 год совпадает с обозначенным известным американским исследователем Дэвидом Шамбо переходом китайской политики от «мягкого авторитаризма» к «жесткому авторитаризму». По его мнению, в 1998–2008 гг. китайская система пыталась стать более инклюзивной и толерантной, но после этого перестала способствовать экономическому росту и даже стала для него препятствием. В конце правления Ху Цзиньтао с 2009 г. система «покатилась назад к стадии атрофии и окостенения», встав на путь «подавления реформ» вместо их поддержки².

Теперь на Западе все более отчетливо осознают, что экономический рост и участие Китая в процессах глобализации не являются безусловной гарантией движения политической системы КНР в направлении либерализации. Д. Шамбо и его единомышленники в научном сообществе полагают, что нынешний путь приведет Китай к серьезным трудностям и замедлению экономического развития. Однако политический истеблишмент встревожен тем, что с проблемами столкнется не Китай, а Запад.

Отчетливое выражение этой обеспокоенности можно найти в принятой в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США: «Десятилетия политика США коренилась в убеждении, что поддержка подъема Китая и его интеграции в послевоенный международный порядок приведет к либерализации Китая. В противоположность нашим надеждам, Китай расширил свою власть за счет суверенитета других. Китай собирает и использует данные в непревзойденном разmere и распространяет характеристики своей авторитарной системы, вклю-

чая коррупцию и использование слежки. Он строит самую боеспособную и хорошо финансируемую армию в мире после нашей. Его ядерный арсенал растет и расширяется. Часть военной модернизации и экономической экспансии Китая происходит благодаря доступу к инновационной экономике США, включая американские университеты мирового класса»³.

Подобные заявления нынешней администрации США отражают последствия чрезмерного влияния идеологии либерального мейнстрима на оценки перспектив развития Китая. Необоснованные надежды на трансформацию китайской системы обернулись разочарованием. Исследователи ИДВ РАН уже давно сделали вывод о том, что китайский успех в экономике с триумфом либерализма отождествлять нельзя. Эту тему активно обсуждали в российских научных кругах в конце минувшего столетия на фоне разгосударствления китайской экономики в период премьерства Чжу Жунцзи. На деле происходившее в 1990-е годы сокращение государственного присутствия в хозяйственной жизни указывало не на слабость власти, а на ее способность использовать в интересах проведения преобразований широкий набор политических и экономических инструментов. «Именно в прагматичном и последовательном подходе к развитию рынка, а не в мифической чудотворной “обвальная либерализация” заключается главный урок китайской экономической реформы для России»⁴.

Содержание тома IX убедительно показывает, что успех преобразований в КНР коренился в способности властей сочетать «невидимую руку» рынка с «видимой рукой» государственного планирования и макроконтроля, обеспечивая совместное развитие государственной экономики и частного сектора. Китаю удалось соединить следование своей самобытной специфике с открытостью внешнему миру. Он наладил широкомасштабное сотрудничество с Западом, но не отказался от своей политической системы и идеологии. С точки зрения советского марксизма конца 1970-х — начала 1980-х, подобное было теоретически немыслимо и практически неисполнимо. Точно так же не стоит удивляться тому, что многие западные эксперты с уверенностью ожидали скорого наступления момента, когда открытость привела бы Китай к принятию «всеобщих ценностей» и западной политической модели. Они судили в рамках своей теоретической парадигмы и не могли предположить иной сценарий.

В томе рассказано, как удачно для себя на заре реформ Китай использовал тему ан-

тисоветизма чтобы найти друзей на Западе, «прорвать международную изоляцию, в которой КНР оказалась в результате разрыва отношений с социалистическим лагерем и последующей “культурной революции”» (с. 95). Об этом следует помнить в ходе ретроспективных размышлений о том, был ли у Советского Союза шанс повторить китайский путь и вслед за ним — китайский успех. Значение китайских реформ в СССР поняли с опозданием не только из-за идеологической косности. Важным фактором были опасения стратегического порядка, связанные с оценками поведения Пекина как источника геополитической угрозы.

В 1980 г. в Москве был издан краткий очерк истории КНР, рассчитанный на широкий круг читателей (в этом отношении его можно считать предтечей томов VIII и IX нынешней десяти томной «Истории»). В нем было сказано: «Сегодня очевидно, что прозвучавшие на III пленуме ЦК КПК критические нотки в отношении политики Мао Цзэдуна, показная торжественность реабилитации ряда жертв должны были создать у общественности страны впечатление, будто политическая жизнь КНР уверенно возвращается в русло социалистического развития, и тем самым отвлечь внимание китайского народа от сговора пекинских правителей с империалистической реакцией в связи с подготовкой китайскими милитаристами агрессивной войны против социалистического Вьетнама»⁵. В наши дни подобная оценка реформаторского содержания пленума 1978 г. выглядит как минимум однобокой. Однако исторический контекст первоначального отечественного восприятия перемен в китайской политике был именно таким. Понять его помогает содержащийся в томе раздел о китайско-вьетнамском конфликте 1979 г. (с. 259–262).

Сильная сторона книги — это внимание к истории реформаторских идей, прежде всего к проблемам обновления теории социализма в 1980-е, начиная от дискуссий о «практике как критерии истины», о гуманизме и отчуждении. Примечательным стал быстрый переход китайских властей от знакомого по советской идеологии забегания вперед на пути к построению коммунистического общества к другой крайности, когда происходило максимальное отдаление «светлого будущего» и его выведение за горизонты жизни нынешних поколений, что проявилось в концепции «начальной стадии строительства социализма». Интересна тема возникновения «сиданьской стены демократии» и появления политического самиздата, породивших встречную реакцию в виде офици-

альных кампаний против «духовного загрязнения» и «буржуазной либерализации». Из книги можно понять, что в первое десятилетие реформ Китай не раз сталкивался с гражданским противостоянием, достигшим апогея весной 1989 г. После этого разговоры о политической реформе сменились «завинчиванием гаек» в рамках неавторитарного курса.

Эти сюжеты важны для понимания процессов становления новых концепций в рамках жесткой и устойчивой идеологической парадигмы. И все же у читателя остаются вопросы. Откуда у китайцев после завершения эпохи «казарменного социализма» так быстро возникла готовность к рыночным отношениям? Почему руководство страны не испугалось западного влияния и «капиталистического перерождения»? Где коренились глубинные идейные и теоретические предпосылки реформ? Часть ответов можно найти в томе VII «Истории», посвященном республиканскому Китаю. Он показывает, что широкая идейная открытость внешнему миру сформировалась уже в первой половине XX века, тогда же китайские ученые и политики приступили к обсуждению комплекса проблем модернизации и развития⁶.

Том «Реформы и модернизация» повествует о том, как в 1980-е годы в Китае начали в позитивном ключе изучать опыт стран Восточной Европы. Открытость новым идеям других социалистических стран сыграла свою роль в обновлении китайских теоретических концепций, пусть даже реальный объем заимствования был не столь велик. «Хотя непосредственно в практику преобразований из опыта соцстран в Китай было перенесено сравнительно немного, некоторые из таких заимствований оказались чрезвычайно результативными. Это, в частности, повышение закупочных цен и снижение объема обязательных закупок зерна, близкое к советскому опыту, и особенно “двухколейная” система цен, идея которой была подсказана венгерскими учеными-экономистами» (с. 216).

В книге интересно и подробно рассказано о том, как в начале реформ в Китае создавали первые СЭЗ, как на практике происходило соединение приверженности собственному пути с широкой опорой в экономическом развитии на внешний мир. Во второй половине тома стиль изложения постепенно меняется. Чем ближе к современности, тем меньше становится живых подробностей и деталей, нарастает объем экономической статистики, тональность обсуждения политических проблем сглаживается и приближается к официальному дискурсу.

К примеру, при описании перехода власти от Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао в 2002 г. в тексте присутствует упоминание о том, что в руководстве существовали «две группы» с разными взглядами, лидером одной из них был Цзэн Цинхун (с. 629). «Комсомольская» и «шанхайская» группировки не были идентифицированы и персонифицированы четким образом, хотя в дальнейшем дважды сказано об ослаблении «шанхайской группы (группировки)» в связи с отставкой обвиненного в коррупции главы шанхайского горкома КПК Чэнь Ляньюя (с. 634, 671). Небольшой раздел «Развитие национальных образований в начале 21-го века» (с. 693–695) повествует лишь об экономических и социальных достижениях, обходя стороной волнения в Лхасе 2008 г. и межэтническое побоище в Урумчи летом 2009 г., унесшее жизни почти двухсот человек. При этом оба события включены в историческую хронику в конце тома, а раздел о национальной политике 1990-х признает наличие серьезных проблем и вполне объективно о них рассказал (с. 533–535).

Многообразие современных китайских идейных течений, включая «новых левых» и неолибералов, было проанализировано в книге через призму социально-экономических дискуссий (с. 652–664). Неофициальный национализм в китайском Интернете и рафинированный культурный консерватизм элиты в основном остались за рамками тома.

Следует признать, что о недавних событиях и новейших тенденциях в развитии Китая трудно судить в том же ключе и объеме, что и о делах сорока- или тридцатилетней давности, достаточно изученных и осмысленных. К тому же под натиском популярных и актуальных глобальных тем в постсоветской России заметно сократился научный запрос на тщательное изучение современного Китая с опорой на первоисточники на китайском языке. Это, в свою очередь, привело к уменьшению объема конкретной «фактуры», способной стать основой для качественного исторического исследования. Не пошло на пользу отечественным китаеведам и прекращение действия после реформы 2013 г. отлаженного механизма обменов между РАН и АОН Китая, позволявшего исследователям ездить в китайские научные институты для сбора материалов и консультаций с китайскими коллегами.

Осенью 2017 г. издание десяти томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» под редакцией академика С.Л. Тихвинского было завершено⁷. Несмотря на неизбывные финансовые трудности и сокращение рядов исследователей, это уже вторая

фундаментальная работа, созданная российскими китаеведами в новом столетии. Первой была шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая» под редакцией академика М.Л. Титаренко, получившая российскую госпремию в области науки и технологий за 2010 год.

«Духовная культура Китая» и «История Китая» стали суммой достижений советского и раннего постсоветского китаеведения. Внутри отечественной науки «История Китая» не имеет аналогов, на мировой сцене ее можно сравнивать разве что с «Кембриджской историей Китая». Остается лишь пожалеть о том, что задуманная как научно-популярное издание для широкого круга читателей «История Китая» была издана без ссылок на источники. Новым поколениям исследователей будет непросто установить материалы, на которые опирались их предшественники.

У тома IX нет хронологического двойника в «Кембриджской истории», поскольку та заканчивается 1982 годом⁸. «Кембриджская история» завершается рассуждениями о том, что ни Дэн Сяопину, ни Мао Цзэдуну не удалось решить проблему «квадратуры китайского круга» и найти способ поддержания единства в условиях свободы. Об этом якобы свидетельствует вся история КНР — от борьбы против контрреволюционеров до событий 1989 г. на Тяньаньмэнь, поскольку всякий раз единение и порядок оказывались важнее свободы, а китай-

ские руководители не были готовы смириться с угрозой потери контроля. «Однако бремя единства, которое взяли на себя китайские лидеры, все больше становится кошмаром для китайского народа. Если есть исторический урок, который следует извлечь из четырех десятилетий Народной Республики, то он гласит, что в политической системе, которая в ходе столетий спаяла китайский народ воедино, должны произойти фундаментальные изменения. Если этого не произойдет, то давление все более уверенного в себе развивающегося общества, наконец, возрастет настолько, что система разорвется. В 1990-е годы и в последующий период единство можно будет сохранить только благодаря разнообразию»⁹.

С тех пор, как были опубликованы эти строки, минуло более четверти столетия. Фундаментальных изменений в китайской политической системе не произошло. Давление ставшего многообразным китайского общества не разнесло ее в клочья. За это время Китай стал второй экономикой мира и уверенно движется к статусу лидера. Сравнения двух «историй» можно проводить по многим направлениям, но в одном российская «История Китая» и ее том IX демонстрируют явное и очевидное преимущество. В работе отечественных китаеведов нет идеологических штампов, вынуждающих западных коллег выступать с грозными и безосновательными пророчествами о будущем Китая.

© 2018

*А.В. Ломанов, доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИДВ РАН.*

1. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 333 с.
2. *Shambaugh D.* Contemplating China's Future // *The Washington Quarterly*. 2016. № 3. P. 123.
3. *National Security Strategy of the United States of America*. December 2017. P. 25.
4. *Новоселова Л.В.* Реформа и экономический рост в КНР: чудес не бывает // *Российский экономический журнал*. 1999. № 1. С. 80.
5. КНР: Краткий исторический очерк (1949–1979 гг.). М.: Политиздат, 1980. С. 174.
6. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII. Китайская республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева; ИДВ РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2013.
7. *Тихвинский С.Л.* К выходу в свет шеститомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 6. С. 156–162.
8. *The Cambridge History of China*. Vol. 15. The People's Republic. Pt. 2. Revolutions within the Chinese Revolution, 1966–1982 / ed. by R. MacFarquhar, J. K. Fairbank. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1991. 1108 p.
9. *Ibid.* P. 881.